

2. Голуб, И. Б. Стилистика современного русского языка : учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика» / И. Б. Голуб. – М. : Высшая школа, 1986. – 336 с.

3. Касаткин, Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку : учеб. пособие / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант ; под. ред. П. А. Леканта. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 2006. – 407 с.

4. Кульба, А. Код Ахмадулиной [Электронный ресурс] / А. Кульба. – Режим доступа : : <http://www.nsad.ru/index.php?issue=9999§ion=10000&article=1539&print=1> ; http://www.rusline.ru/monitoring_smi/2011/7/27/kod_ahmadulinoj/. – Дата обращения : 30.01.2019).

5. Самотик, Л. Г. Заметки о диалектизмах в творчестве В. Астафьева / Л. Г. Самотик [Электронный ресурс]. – М., 1998. – Режим доступа : http://xn--80abybi9auhw5g.xn--p1ai/destiqis/russianlanguage/samotik_l_g__tvorcestvo_viktora_petrovicha_astafeva_m__2005_14_s.htm. – Дата обращения : 30.01.2019).

I. V. Shapovalova

Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University
e-mail: irena.shiva@gmail.com

The Magic of Native Speech in the Works of Bella Akhmadulina

Key words: dialect language, dialect vocabulary, literary text, syncretism of functions, aesthetic value of dialectisms, native language.

The article discusses the features of the use of Bella Akhmadulina in the artistic text of dialect vocabulary as one of the most striking «omen» of the native language; inherent in it are the methods and techniques for introducing dialectal vocabulary into the text, both real-life and individually authoring, created from well-known models.

УДК 821.161.1-14”18/19”

Л. И. Шевцова

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
e-mail: milash8@mail.ru

Тема «невъязымого» в русской лирической поэзии

Ключевые слова: поэтика художественной модальности, «невъязымое», внутренняя жизнь человека, запечатленное мгновенье, поэтическая немота.

В статье рассматривается «невъязымое» как тема русской лирической поэзии, возникшая в XIX веке и получившая развитие в XX веке. Анализируются ключевые стихотворения В. Жуковского, Ф. Тютчева, А. Фета, О. Мандельштама, И. Бунина и других поэтов.

В русской литературе лирическая поэзия обретает свой голос только в XVIII веке. Жанровое и тематическое ее разнообразие было обусловлено господством нормативности в искусстве, которая была закреплена в трактатах классицизма, в частности, в эпистолах А. П. Сумарокова («О стихотворстве»). Мысли и чувства должны быть выражены предельно ясно, чему способствовали четкие установки по отбору языковых средств (теория «трех штилей»), перенесенная на русскую почву М.В. Ломоносовым, вносила здесь определенную ясность), указаний по композиционной организации произведений того или иного жанра, тематической направленности. Понятно, что тема «невъязымого» в условиях нормативной поэтики не могла возникнуть широко в лирической поэзии.

С появлением сентиментальной парадигмы художественности в искусстве, которая открывает поэтику художественной модальности в литературе, в русскую лирическую поэзию «хлынула» природа как составляющая часть мировосприятия жизни част-

ного человека, его индивидуального и неповторимого «я». И само это «я» стало предметом пристального внимания и описания. Изобразить, высказать так, чтобы наиболее полно выразить то, что ты видишь, слышишь и чувствуешь, – вот что волновало поэтов, начиная с В. А. Жуковского. Именно у него впервые возникает тема «невыразимого» (стихотворение 1819 года так и называется – «Невыразимое»), невозможности выразить словесно «святые таинства», удержать в слове «прекрасное в полете», неповторимый миг, дать «ненареченному» «название». Жуковский задает ключевые вопросы, на которые будут потом отвечать многие русские поэты. И, кстати, появившиеся позже фотография и кино, как вновь возникшие языки изображения и выражения, до сего времени делят этот диалог.

Какие же вопросы ставит и какие ответы дает Жуковский в стихотворении «Невыразимое»? Оно начинается с вопроса: «Что наш язык земной пред дивною природой?» Вопрос риторический, ответ очевиден – ничто. Так возникает микротема, проблема: природа совершенна («рассыпала повсюду красоту»), гармонична («разновидное с единством согласила»), а человеческое слово, поэтическое слово бессильно это передать. И не только поэзии это неподвластно, неподвластно искусству, художественному творчеству вообще: «Но где, какая кисть ее изобразила?» Лишь иногда «одну ее черту с усилием поймать удастся вдохновенью...» Но тут же вопрос: «Но лъзя ли в мертвое живое передать?» То есть поместить бесконечно подвижную жизнь природы в некий образ, в котором она застынет. А следующий вопрос обнаруживает еще одну микротему: «Кто мог создание в словах пересоздать?» Природа – создание Бога, стремление ее пересоздать в акте художественного творчества неизменно проигрывает ее главному творцу. «Невыразимое подвластно ль выраженью?» – звучит ключевой вопрос. И мы уже понимаем, что речь и кисть не могут выразить в слове красоту и гармонию природы лучше, чем это уже сделано. Но только ли их? В следующих строках незаметно возникает образ воспринимающего эту красоту и гармонию – образ внутреннего человека. Есть еще некие «святые таинства», доступные лишь сердцу. Это утверждение иллюстрируется ситуацией, когда человек наблюдает «величественный час вечернего земли преображенья», час, когда «душа смятенная» воспринимает этот миг как виденье великого пророчества, когда от этого ощущения «спирается в груди болезненное чувство», когда возникает желание удержать этот миг, ему «название дать», запечатлеть в слове. «Не часто ли... обессилено безмолвствует искусство» в такие мгновения? Вопрос опять не требует ответа. То, что знает сердце и чувствует душа, невыразимо. В следующей части стихотворения возникает новая микротема и проблема: изображение и выражение. Яркие черты, блестящая красота природы подвластны мысли, и можно найти слова, чтобы их изобразить. Но невыразимы «смутное, волнуемое нас»; голос «обворажающего», слышимый «одной душою»; стремление к тому, что далеко, что минуло; воспоминанье о милом и скорбном; невыразимо «присутствие создателя в созданье». Душа летит ввысь, «единый вздох» вмещает все необъятное. И в последней строке возникает говорящее молчание: «И лишь молчание понятно говорит» [4, 137 – 138]. Молчание – не безмолвие, мысли и чувства, не оформленные словесно, говорящи. Так в русской лирике тема «невыразимого» дает начало концепту «молчание».

Ф. И. Тютчев продолжает и развивает мысль Жуковского в знаменитом стихотворении «Silentium!» (1830 г.). Если перевести название стихотворения на русский язык, то получится «Молчание!». Звучит как приказ, как настойчивая просьба. Или, может быть, восклицание подчеркивает значение молчания, его тайну, сокровенную глубину мыслей и чувств? Новая проблема в этой теме – проблема непонимания. Тема «невыразимого» звучит у Тютчева более широко, она касается каждого говорящего, не только поэтов. Трагедия невысказанности и непонимания, по мысли Тютчева, проистекает не из личностных причин, мешающих «сердцу высказать себя». С его точки зрения, все

мысли и чувства, которые пытается человек произнести, высказать другому, могут столкнуться с непониманием, а непонимание может возникнуть из-за того, что говорящий не сможет найти нужных слов, интонаций: «Как сердцу высказать себя?» И сколько бы он ни пытался «высказать себя», всё оказывается ложью, бледной тенью того, что творится в его душе, в его сознании. Внутренняя жизнь человека шире, чем возможности внешней речи. Эта внутренняя жизнь является неоспоримой ценностью, это «целый мир» «таинственно-волшебных дум», он питается тайными ключами. Произнесённое слово может нарушить внутреннюю гармонию, «возмутить ключи». Поэтому нужно прислушиваться к этим тайным «ключам» и молчать. И «есть целый мир в душе», то есть человек самодостаточен, интересен самому себе. Однако та сокровенность «таинственно-волшебных дум», о которой поведано в стихотворении, предстает как нечто объединяющее людей, а вовсе не разъединяющее их. У каждого есть такая «душевная глубина», какую нельзя понять «другому», но каждый из нас должен знать о молчащей глубине «другого». Вместе с тем, стихотворение «Silentium!» о мысли, о том, что наше слово всегда будет от нее отставать, мысль бесконечно богаче внешней речи и, как источник творчества, нуждается в сбережении.

Тема понимания–непонимания высказанного не раз возникала в других стихотворениях Тютчева. Примером могут служить две стихотворные миниатюры:

Когда сочувственно на наше слово

Одна душа отозвалась –

Не нужно нам возмездия иного,

Довольно с нас, довольно с нас...

(1866 г.) [9, 222]

Нам не дано предугадать,

Как слово наше отзовется, –

И нам сочувствие дается,

Как нам дается благодать...

(1869 г.) [9,132]

Человек обречён на непонимание, потому что невозможно полно и точно выразить свой внутренний мир. Но если это слово отзывается сочувствием другого человека, то это проявление благодатных высших сил.

Тема «невыразимого» обретает новые смыслы в лирике А. А. Фета. Его неслучайно называют поэтом запечатленного мгновенья. Фета очень привлекали неуловимые, загадочные ощущения, которые человек испытывает, когда любит или когда созерцает природу. Его поэзия – это как раз попытка выразить «невыразимое», остановить мгновение. Только так, с его точки зрения, постигается и увековечивается красота мира и чувства. Теме «невыразимого» поэт посвятил стихотворение «Как беден наш язык! – Хочу и не могу...» (1887 г.). Оно двухчастно. В первом шестистишии утверждается, что невозможно передать «ни другу, ни врагу» то, «что буйствует в груди прозрачною волною», «вечное томление сердец» не может выразить даже мудрец. Это невозможно сделать на языке обыденном, на языке повседневного общения, даже на языке науки, любая речь становится «ложью роковою», о чем говорил Тютчев в стихотворении «Silentium!». Но такой силой, с точки зрения Фета, обладает поэтический язык:

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук

Хватает на лету и закрепляет вдруг

И темный бред души, и трав неясный запах... [10, 264]

Только поэзия, по мнению Фета, способна оставить в вечности красоту запечатленного мгновенья:

Этот листок, что иссох и свалился,

Золотом вечным горит в песнопеньи... [10, 54]

(«Поэтам», 1890 г.)

Однако Фет тоже испытывал муки «невыразимого». Его усилия как поэта были направлены на то, чтобы не только подобрать нужные слова, но и сложить их так, чтобы они обрели еще и определенный звуковой образ. Неслучайно Фета называют одним из самых музыкальных поэтов. Сам он настаивал:

Что не выскажешь словами –
Звуком на душу навеи... [10, 291]
(«Поделись живыми снами...», 1847 г.)

В XX веке, особенно в лирической поэзии Серебряного века, тема «невыразимого» по-прежнему актуальна. Более того, О. Мандельштам создает стихотворение с почти аналогичным названием, что и у Тютчева, – «Silentium» (1910 г.). Это одно из самых загадочных стихотворений поэта. Оно нас отсылает к известному мифу о рождении из пены Афродиты, богини любви и красоты. Ее рождение – это зафиксированный в мифе момент оформления качественно нового человеческого сознания. Это тот момент, когда человек обрел способность понимать, что есть любовь и красота, как они связаны, сформулировал это, оформил словесно. Мандельштам подчеркивает еще и элемент чувственной красоты. А что было до этого момента? Что такое нерожденная Афродита? «Она и музыка и слово», слово не стало собственно словом, отделившись от музыки «всего живого» – природы и человека, которые соединены «ненарушаемой связью». В природе нет ничего эротически красивого. «Моря груди» – это не груди Афродиты, волнующие и волнуемые, они дышат спокойно, контрастом к нему – светлый до безумия день, морская пена еще бледна, как сирень (это отсылка к той версии мифа, по которой Афродита родилась из пены, возникшей от капель крови оскопленного Урана, а значит, она красного цвета) на фоне метафорического «черно-лазоревого сосуда» моря (в издании сборника «Камень» 1916 года это «мутно-лазоревого сосуда»).

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!
Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито! [6, 16]

Вообще, в поэзии XX века тема невыразимого волнует многих: И. А. Бунина («Щеглы, их звон стеклянный, неживой...»), М. И. Цветаеву («Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды...»), «Разговор с Гением»), Б. Л. Пастернака («Во всем мне хочется дойти...» 1956 г.), Б. А. Ахмадулину («Слово», «Немота»), Е. М. Винокурова («Я ловил ощущение...», «Косноязычье»), А. С. Кушнера («Что-то более важное в жизни, чем разум...»).

Пожалуй, в поэзии XX века отчетливо определилась микротема, присущая многим поэтам: наступающее поэтическое бессилие, немота, косноязычие.

О, мука мук! Что надо мне, ему,
Щеглам, листве? И разве я пойму,
Зачем я должен радость этой муки,
Вот этот небосклон, и этот звон,
И тёмный смысл, которым полон он,
Вместить в созвучия и звуки?
Я должен взять — и, разгадав, отдать
Мне кто-то должен сострадать...
(«Щеглы, их звон стеклянный, неживой...», 1917 г.) [2, 137]

Усилие написать стихотворение о позднеосеннем саде оказывается бесплодным для бунинского лирического героя, вместо него вложен в тетрадь «большой зубчатый лист с тугим пурпурным стеблем» как память

Об этом светлом вертограде
С травой, хрустящей белым серебром,
О пустоте, сияющей над клёном
Безжизненно-лазоревым шатром,
И о щеглах с хрустально-мёртвым звоном! [2, 137]

Для М. Цветаевой невыразимой оказывается любовь-беда, любовь-страсть, любовь-терзание, когда «ни берегов, ни вех!», «когда насквозь /Тобой пропитанный — весь воздух свыкся! /Раз Наксосом мне — собственная кость!/ Раз собственная кровь под кожей — Стиксом!». Тогда «в ряды и рифмы сдавленные» слова не могут всего этого выразить, потому что «Сердце – шире!» («Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды..., 1923 г.) [11, 326].

Ей вторит лирический герой Б. Пастернака, утверждающий невозможность выразить словами свойства страсти, вывести ее закон, то есть определить словами:

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.
О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.
Я вывел бы ее закон,
ее начало,
И повторял ее имен
Инициалы.
Я б разбивал стихи, как сад.
всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.
В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.
Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.

(«Во всем мне хочется дойти...», 1956 г.) [7, 443]

И тут А. Кушнер уже в начале нашего столетия вспоминает А. Фета, который, подобно композитору, мог выразить волнуемое его музыкой стиха: «...без слова / Он сказать сумел... Боже мой, только это / Мне еще интересно, и важно, и ново...» («Что-то более важное в жизни, чем разум..., 2000-е гг.) [5, 297].

Думается, тема невыразимого тесно связана с высокой ответственностью поэта перед сказанным. И. Северянин саркастически замечает в стихотворении «"Собратья"» (1909 г.): «Все – Пушкины, все – Гете, все – Шекспиры...», говоря о расплодившихся в безмерном количестве поэтах. Финал стихотворения красноречив:

И хочется мне крикнуть миллионам
Бездарностей, возвращенных в кабаке:
«Приличней быть в фуражке почтальоном,

Чем лириком в дурацком колпаке». [8, 46]

Е. Винокуров в середине XX века подхватывает:

Лишь пустяки легко выходят в свет!

Я с трепетом внимаю бормотанью.

Все это вздор, покуда бездны нет

Меж мыслью промелькнувшей и гортанью.

(«Косноязычье», 1964 г.) [3, 109]

Вот эта «бездна», то, «что буйствует в груди прозрачною волною», «вечное томление сердец», «целый мир» «таинственно-волшебных дум», питающийся тайными ключами, страсть, красота мира – вот что или трудно выразимо, или невыразимо вообще. И тогда

Звук немоты, железный и корявый,

терзает горло ссадиной кровавой

(Б. Ахмадулина «Слово», 1965 г.) [1, 101]

Для поэта немота невыносима, жизнь поэта – это жизнь в слове, а когда исчез, как молоко, «звук из груди», когда «скошенный луг – глотка» (М. Цветаева «Разговор с Гением»), когда, «как пар изо рта, / округлилась у губ немота», – тогда

Задыхаюсь, идохну, и лгу,

что еще не останусь в долгу

пред красую деревьев в снегу,

о которых сказать не могу.

(Б. Ахмадулина. «Немота», 1966 г.) [1, 102]

Вместе с темой невыразимого, параллельно, в русской лирической поэзии возникает тема силы слова, силы «выраженного», ответственности поэта за сказанное (Пушкин «Пророк», Гумилев «Слово», Пастернак «О знал бы я, что так бывает...», Тарковский «Слово только оболочка»... и др.). Но это уже тема отдельного исследования.

Источники

1. Ахмадулина, Б.А. Стихотворения и поэмы. Дневник/ Б. Ахмадулина. – М. : Издательство «Э», 2017. – 640 с.
2. Бунин, И.А. Стихотворения/ И.А. Бунин. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 222 с.
3. Винокуров, Е. Самая суть: Стихотворения / Е. Винокуров. – М. : ИД Комсомольская правда, 2013. – 238 с.
4. Жуковский, В.А. Стихотворения. Баллады / В. А. Жуковский / Сост. и авт. примечаний Р.В. Иезуитов. – Л.: Лениздат, 1983. – 303 с.
5. Кушнер, А.С. Времена не выбирают... / А.С. Кушнер. – М.: Эксмо, 2014. – 416 с.
6. Мандельштам, О.Э. Камень / О.Э. Мандельштам. – Л. : Наука, 1990. – 398 с.
7. Пастернак, Б.Л. Избранное / Б.Л. пастернак. – Ростов н/Д.: изд-во «Феникс». , 1996. – 512 с.
8. Северянин, И. Гармония контрастов: Стихотворения / И. Северянин. – М. : Летопись, 1995. – 381 с.
9. Тютчев, Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Ф. И. Тютчев / Сост. Л.Н. Кузиной. – М.: Правда, 1988. – 480 с.
10. Фет, А.А. Стихотворения. Поэмы. Современники о Фете / А. А. Фет / Вступ. ст. А.Е. Тархова. – М.: Правда, 1988. – 480 с.
11. Цветаева, М.И. Стихотворения и поэмы / М.И. Цветаева / Вступ. ст. Е. Б. Коркиной. – Л.: Сов. писатель, 1990. – 800 с.

L. I. Shevtsova

Vitebsk State University named after P. M. Masherova

e-mail: milash8@mail.ru

Theme of “ineffable” in Russian lyric poetry

Key words: poetics of artistic modality, the "ineffable", the inner life of a person, a moment captured, poetic dumbness.

The article deals with the "inexpressible" as a topic of Russian lyric poetry, which arose in the 19th century and developed in the 20th century. The key poems by V. Zhukovsky, F. Tyutchev, A. Fet, O. Mandelstam, I. Bunin and other poets are analyzed.